Научная статья
УДК 140.8; 239.3
DOI: 10.18101/1994-0866-2026-3-49-55

Учение Мипама Ринпоче: истоки интегративной модели буддийского знания

© Доржиева Доржема Лубсановна
кандидат философских наук, научный сотрудник,
Центр восточных рукописей и ксилографов,
Институт монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 4б

Аннотация. Статья посвящена Джамгон Джу Мипам Намгьял Гьяцо Ринпоче (Jam mgon ju mi pham rnam rgyal rgya mtsho) (1846–1912), ключевой фигуре в истории школы ньингма тибетского буддизма и экуменического движения *риме*. Масштаб и глубина его интеллектуального наследия выделяют его среди других представителей традиции. Несмотря на сравнительно позднее время жизни (XIX–XX вв.), его деятельность оказала преобразующее влияние на традицию: он способствовал ее систематизации и обновлению, а его труды до сих пор входят в учебные программы монастырских колледжей Тибета, Индии и Непала.

Цель исследования — проследить становление Джамгона Мипама Ринпоче как ученого-буддиста через реконструкцию его герменевтических стратегий: выявить, как на ранних этапах его пути формировались способы осмысления и интеграции разнородных пластов буддийского учения (от нравственных обетов до высших практик дзогчена) и каким образом эти стратегии легли в основу его трехуровневого метода интерпретации (внешний, внутренний, тайный смыслы). Специфика работы обусловлена недостаточным материалом биографического характера, особенно в отечественной науке. Количество достоверной информации о жизни Мипама относительно невелико, что контрастирует с масштабом его вклада в буддийскую мысль и монашеское образование. Значительная часть сведений о личности и мировоззрении Мипама извлекается косвенным путем — через анализ его сочинений, которые раскрывают глубину постижения и оригинальность мышления.

Проведенное исследование позволяет осветить ключевые биографические вехи Мипама Ринпоче и показать, как личные обстоятельства, наставничество и духовная практика сформировали его как выдающегося представителя школы ньингма.

Ключевые слова: Джамгон Мипам, ньингма, тибетский буддизм, духовное наставничество, медитационное уединение, религиозное образование в Тибете, экуменическое движение *риме*.

Благодарности
Статья подготовлена в рамках проекта «Памятники письменности истории и культуры народов России и Внутренней Азии: источниковедческие исследования и создание базы данных» № 126020616774-8

Для цитирования
Доржиева Д. Л. Учение Мипама Ринпоче: истоки интегративной модели буддийского знания // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 3. С. 49–55.

Согласно преданиям, по отцовской линии Мипам происходил из рода Джу, известного легендой о том, что его предки были божествами ясного света, которые спустились с небес, держась за веревку (ju). По материнской линии он принадлежал к роду А-цаг-дру (A lcags ‘bru), одному из так называемых «шести изначальных тибетских племен» (bod mi’u gdung drug). Его отцом был врач Гонпо Даргьял (mGon po dar rgyas), сын знаменитого целителя Джу-ла Мондо (‘Ju bla mDo sde), которого почитали как эманацию Будды медицины (sman bla). Джу-ла Мондо происходил из семьи состоятельных и влиятельных людей, служивших министрами правителей Деге (sde dge) и в то же время известных как мудрые мастера, достигшие духовной реализации. Мать Мипама была дочерью младшего министра правителя Деге. Таким образом, он принадлежал к семье весьма высокого статуса [1; 4; 8].

Имя Мипам Гьяцо (букв. «непобедимый океан») ему дал дядя — лама-министр Друбчок Пема Дарджей (sgrub mchog pad ma dar rgyas). Мипам считался эманацией Манджушри (бодхисаттвы мудрости); имя Джамгон подчеркивает эту связь. Однако он официально не был признан тулку (реинкарнацией). Согласно историческим свидетельствам, он с самых ранних лет проявлял естественную склонность к учению махаяны и был наделен такими врожденными качествами, как вера, отрешенность, мудрость и сострадание. Говорят, что он мог вспомнить все, что происходило с ним с самого младенчества [6, с. 10]. Как это часто бывает в жизнеописаниях выдающихся тибетских лам, Мипам предстает как вундеркинд.

Его обучение началось примерно в шестилетнем возрасте, и он выучил наизусть текст Ньингма Нгари Панчен Пема Вангьяла (mnga’ ris pan chen pad ma dbang rgyal) (1487–1542) «Утверждение трех обетов» (sdom gsum rnam nges), фундаментальный труд школы ньингма, посвященный буддийским обетам. Заучивание текстов наизусть — распространенная практика в Тибете при углубленном изучении классических текстов. Тот факт, что Мипам сначала изучал именно этот текст, имеет важное значение, поскольку три обета *(обеты пратимокши — индивидуального освобождения; обеты бодхисаттвы — обязательство достичь просветления ради всех существ; тантрические обеты (самая) — обеты ваджраяны, принимаемые при посвящении)* составляют основу нравственной дисциплины — фундамента всех буддийских практик [5, с. 288]. Кроме того, этот текст охватывает широкий спектр буддийских учений — от хинаяны до ваджраяны — и демонстрирует, как все эти элементы могут быть интегрированы без противоречий. Именно эта идея составляет главную тему значительной части работ Мипама.

Некоторые традиционные тибетские ученые — Кхенпо Джикме Пхунцок (mkhan po ‘jigs med phun tshogs) (1933–2004) и Трошул Джамдор (khro shul ‘jam rdor) (1920–1960) — утверждают, что среди его самых ранних работ, созданных в возрасте шести-семи лет, был знаменитый «Маяк уверенности» (nges shes sgron me) —образец философской поэзии, один из самых известных текстов, посвященный воззрению дзогчен и его согласованию с философией мадхьямики. Внимание Мипама сконцентрировано в труде вокруг семи ключевых вопросов, затрагивающих как фундаментальные философские проблемы, так и практические аспекты

медитации — например, следует ли практиковать аналитическую медитацию или медитацию спокойствия. Текст структурирован таким образом, что внешне он согласуется с прасангикой-мадхьямикой (dbu ma thal ‘gyur), внутренне — с Гухьягарбха-тантрой (rgyud gsang ba’i sning po), а тайно — с дзогченом (rdzogs chen), Великим Совершенством [8, с. 128]. Эта трехуровневая структура уже задает метод, который станет характерным для всего философского наследия Мипама: показать, что взгляд дзогчена не противоречит мадхьямике, а, скорее, представляет собой ее естественное завершение.

Согласно местным обычаям, в двенадцать лет он стал послушником в монастыре Джумохор Сангнгак Чолинг (‘ju mo hor gsang sngags chos gling), филиале монастыря Шечен Тенньи Даргьелинг (zhe chen bstan gnyis dar rgyas gling). Там его прозвали «маленьким ученым-монахом» (btsun chung mkhas pa). В пятнадцать или шестнадцать лет он удалился в затворничество в Джуньюн (‘ju nyung), где медитировал на Манджушри (‘jam dpal), Льва Речи (smra ba’i seng ge). Продолжительность ретрита в разных источниках указывается от года до полутора лет. За это время он приобрел способности спонтанно понимать буддийские трактаты (bstan bcos) и светские дисциплины (rig gnas) без систематической подготовки, ему достаточно было получить передачу (bshad lung). На протяжении всей своей жизни Мипам поддерживал прочную связь с бодхисаттвой Манджушри. Значительное число произведений Мипама начинается с молитвенного обращения (gsol ‘debs) к Манджушри, что позволяет рассматривать эту связь как структурную характеристику его литературного наследия. Созерцание различных проявлений Манджушри, включая Ямантаку (gshin rje gshed), представляющую гневную деятельность мудрости (ye shes kyi ‘phrin las), составляло основу его медитативной практики вплоть до конца жизни [6, с. 5, 11].

О его способности быстро понимать смысл текста пишут многие авторы. Так, например, когда он получил наставления от Бумсара Геше Нгаванга Джунгне (‘bum gsar dge bshes ngag dbang ‘byung gnas, d.u.) по трактату Чандракирти «Вступление в Срединный путь», он сказал своему учителю, что ему не нужно беспокоиться о подробном комментарии и просто попросил сам текст. «Вступление в Срединный путь» — это трактат о глубоких учениях мадхьямаки, как и большинство других санскритских стихотворных трактатов, написанных в Индии более тысячи лет назад, его чрезвычайно трудно понять без комментариев. Тем не менее услышав, как его учитель читает текст, Мипам разъяснил его от начала до конца. Тогда учитель воскликнул: «Даже несмотря на то, что я ношу титул “геше”, у меня нет и доли его интеллекта!» [6, с. 12]. Этот эпизод наглядно демонстрирует исключительную интеллектуальную проницательность Мипама Ринпоче: он постигал сложнейшие тексты мадхьямаки без развернутых комментариев, опираясь на внутреннюю реализацию и передачу учения. Признание учителя-геше подчеркивает, что эта способность выходила за рамки традиционной монастырской учености.

В тибетской традиции линия преемственности учителей занимает важнейшее место. Получение учений от квалифицированных учителей, с живой линией преемственности, подтверждает подлинность этих учений. Основываясь прежде

всего на этих переданных текстах, Мипам составлял подробные комментарии к ним. На раннем этапе своего творчества Мипам изучал «Путь бодхисаттвы» у Патрула Ринпоче (dpal sprul rin po che) (1808–1887), автора знаменитых «Слов моего всеблагого учителя». Обучение длилось около пяти дней, но этого было достаточно, чтобы Мипам полностью понял слова и смысл этого классического труда. Позже он написал важный комментарий к девятой главе этого текста, «Мудрости». Эта глава особенно важна, поскольку именно мудрость придает практике бодхисаттвы уникальность: благодаря ей достигается подлинное постижение. Таким образом, именно мудрость превращает практики бодхисаттвы в трансцендентные совершенства – щедрость, дисциплину, терпение, усердие, концентрацию и мудрость. Среди этих шести мудрость возвышает остальные пять добродетелей до статуса «трансцендентных» или возвышенных, поскольку она осознает пустую природу реальности и, таким образом, видит иллюзорную природу всего сущего [6, с. 13]. В подходе Мипама подчеркивается единство передачи, понимания и мудрости: линия преемственности обеспечивает подлинность учения, глубина восприятия делает его действенным для конкретного ученика, а мудрость, постигающая пустотность, превращает нравственные практики в средства достижения просветления.

В возрасте около семнадцати лет Мипам оказался в эпицентре социально-политического кризиса: его родина, Деге, попала под контроль войск Ньякье Амгона Гонпо Намгьяла (nyag skyes a mgon mgon po rnam rgyal) (1799–1865), который к тому времени поработил большую часть региона Кхам. На фоне эскалации вооруженного конфликта Мипам в сопровождении своего дяди Гюрме Сангпо (‘gyur med bzang po) покинул родину и направился в Голок (около 1859 года), откуда позже, в 1861 г., совершил паломничество в Лхасу, где провел около месяца в монастыре Ганден (dga’ ldan). Хотя он и пробыл там недолго, этот период оказался очень важным. Там он познакомился с тем, как в гелуг учат и развивают образование, именно эта традиция устанавливала стандарты для монастырских школ по всему Тибету. Мипам быстро разобрался в том, как школа гелуг трактует буддийское учение, и освоил ее приемы ведения философских споров. В своей работе «Джамгон Мипам: его жизнь и учение» Дуглас Дакворт пишет, что влияние работ Мипама во многом связано с тем, что он создал серьезную альтернативу взглядам школы гелуг — именно эта школа с XVII века задавала главные правила в буддийской науке Центрального Тибета. Как видный деятель школы ньингма, Мипам прямо спорил с тем, насколько сильно школа гелуг контролировала обучение монахов. При этом, хотя в своих книгах Мипам критиковал главные идеи гелуг, он одновременно заимствовал отдельные принципы традиции гелуг и включил их в собственные труды [6, с. 12]. Таким образом, его наследие представляет собой не просто оппозицию гелугской модели, а сложную интеллектуальную альтернативу, сочетающую критику и заимствование.

Давняя напряженность между правительством школы гелуг в Центральном Тибете и аристократическими силами в Кхаме побудила экуменически настроенных ученых школ сакья, кагью и ньингма создать своего рода культурную,

если не вполне политическую, солидарность. Война в Ньягронге (ок. 1861–1863) сыграла важную роль в сведении старых счетов между монастырями гелуг и соперничавшими с ними монастырями региона Кхам. Эти события привели к разрушению нескольких монастырей и гибели ряда религиозных деятелей и, должно быть, убедили Мипама, как и его учителей Джамьянг Кхьенце Вангпо (‘Jam dbyangs mkhyen brtse’i dbang po) (1820–1892) и Джамгон Конгтрул Лодро Тайе Йонтен Гьяцо (‘Jam-mgon kong-sprul blo-gros mtha’-yas yon-tan rgya-mtsho) (1813–1899), в важности сохранения находящихся под угрозой духовных традиций и текстов. В условиях нарастающих потрясений особую ценность приобретала задача фиксации и передачи учения: требовалось не просто хранить рукописи, но и осмыслять их, делать доступными для будущих поколений [2, с. 62–70; 3, с. 147–153].

Именно в этом контексте особенно ярко проявилась роль Мипама как систематизатора и интерпретатора: он стремился не только защитить наследие школы ньингма от утраты, но и представить его в форме, способной выдержать интеллектуальную полемику, в том числе с доминирующими академическими стандартами гелуг. Особенность сочинений Мипама состояла в том, что они соединяли два пласта: медитативно-ритуальную практику ньингма и академическую философскую аргументацию тибетской традиции. Благодаря такому синтезу учение представало одновременно и как глубинный личный опыт, и как логически выстроенная система знаний. Благодаря тесному сотрудничеству с Кхьенце Вангпо и Джамгон Конгтрулом Мипам участвовал в деятельности движения *риме* — беспристрастного собирания и распространения учений всех тибетских школ, что позволяло сохранить редкие линии передачи и тексты, оказавшиеся под угрозой утраты.

О Мипаме Ринпоче, как и о других выдающихся деятелях движения риме, нередко говорят, что его жизнь была всецело посвящена медитативной практике: в восприятии современников именно она составляла основу его духовного пути. Это впечатление подкрепляется свидетельствами о многолетних строгих ретритах, которые он проводил. Согласно преданиям, дошедшим до нас в рассказах его ближайших учеников и соратников, высокий уровень реализации позволял Мипаму проявлять исключительные интеллектуальные способности и совершать необычные деяния, трактуемые как проявления просветленной мудрости [9, с. 34].

Однажды Джамьянг Кхьенце Вангпо усадил Мипама на высокий трон перед несколькими томами буддийских писаний и преподнес ему обильные подношения. Затем он сказал: «Я вверяю тебе эти тексты. Отныне поддерживай учение посредством изложения, дискуссии и сочинения. Долгое время тебе предстоит освещать учение Будды в этом мире!» Таким образом учитель передал Мипаму полномочия и даровал ему имя — Мипам Джамьянг Намгьел Гьяцо (буквально «непобедимый океан, нежная мелодия, победитель над всем»). Позднее, как сообщается, Кхьенце Вангпо заметил, что на земле нет никого более ученого, чем Мипам [1, с. 7].

С точки зрения истории тибетской философии значение Джамгона Мипама Гьяцо состоит в том, что он предложил внутренне согласованную интеграцию разнородных пластов буддийского учения — от нравственных обетов до практик

дзогчена — в единую интеллектуальную систему. Участие в движении риме расширило задачу Мипама до сохранения редких линий передачи, оказавшихся под угрозой утраты. Его стратегия сочетала полемику и заимствование: критикуя подходы школы гелуг, он усваивал их академические стандарты, повышая убедительность собственной аргументации.

Таким образом, вклад Мипама выходит за рамки отдельной школы: он предложил модель, в которой медитативный опыт и философская аргументация взаимно обосновывают друг друга, что делает его наследие значимым ресурсом для историко-философских исследований тибетского буддизма.

Литература

1. Джамгон Мипам Гьяцо. Подробное объяснение «Мадхьямака-аламкары» Шантаракшиты / перевод с тибетского А. Раткина. Москва : Буддадхарма, 2022. 450 с.

2. Доржиева Д. Л. Джамьянг Кхьенце Вангпо (1820–1892) в истории движения риме // Культура Центральной Азии. 2023. Вып. 16. С. 62–70.

3. Доржиева Д. Л. Роль Джамгон Конгтрула (1813–1899) в возникновении идеи движения риме // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2023. № 3. С. 147–153.

4. Мипам Джамгон. Врата, открывающие путь к знанию / перевод с тибетского ; предисловие Чокьи Ньима Ринпоче. Москва : Изд-во Ин-та общегумитарных исследований, 2003. 157 с.

5. Нгари Панчен Пема Вангьял, Дуджом Ринпоче, Джигдрел Еше Дордже. Полное разъяснение трех видов обетов / перевод с тибетского Е. Ходов, П. Вязниковцев. Москва : Родович ; Голос, 2013. 288 с.

6. Duckworth D. S. *Jamgön Mipam: His Life and Teachings.* Boston, Shambhala Publications, 2011, 256 p.

7. Duckworth D. Mipam Gyatso. *Treasury of Lives: A Biographical Encyclopedia of Tibet, Inner Asia, and the Himalaya*. 2014. Available at: https: treasuryoflives.org (accessed 11.09.2026).

8. Mipham Rinpoche. *The Word of Chandra.* Introd. by Padmakara Translation Group. Boston, Shambhala, 2002, 400 p.

9. Pettit J. W. *Mipham's Beacon of Certainty: Illuminating the View of Dzogchen, the Great Perfection.* Foreword by Penor Rinpoche. Boston, Wisdom Publications, 1999, 573 p.

Статья поступила в редакцию 03.08.2026; одобрена после рецензирования 17.08.2026; принята к публикации 22.09.2026.

Mipham Rinpoche's Path: Early Years and His Development as a Buddhist Scholar

Dorzhema L. Dorzhieva
Cand. Sci. (Philos.), Researcher,
Center of Oriental Manuscripts and Xylographs,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
4b Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

Abstract. The article is devoted to Jamgön Ju Mipham Namgyal Gyatso Rinpoche (Jam mgon ju mi pham rnam rgyal rgya mtsho) (1846–1912), a key figure in the history of the

Nyingma school of Tibetan Buddhism and the ecumenical Rimé movement. The scale and depth of his intellectual legacy distinguish him from other representatives of the tradition. Despite his relatively late lifetime (19th–20th centuries), his activities had a transformative impact on the tradition, contributing to its systematization and renewal; his works are still included in the curricula of monastic colleges in Tibet, India, and Nepal. The study aims to trace the development of Jamgön Mipham Rinpoche as a Buddhist scholar through the reconstruction of his hermeneutical strategies: to identify how at the early stages of his path he formed the methods of comprehending and integrating heterogeneous layers of Buddhist teachings (from moral vows to the highest practices of Dzogchen), and how these strategies laid the foundation for his three-level method of interpretation (outer, inner, and secret meanings). The specificity of this work is determined by the insufficiency of biographical material, particularly in Russian science. The amount of reliable information about Mipham's life is relatively small, which contrasts with the scale of his contribution to Buddhist thought and monastic education. A significant portion of information about Mipham's personality and worldview has been extracted indirectly — through the analysis of his writings, which reveal the depth and originality of his thought. This study sheds light on the key biographical milestones of Mipham Rinpoche and demonstrates how personal circumstances, mentorship, and spiritual practice shaped him as an outstanding representative of the Nyingma school.

Keywords: Jamgön Mipham, Nyingma, Tibetan Buddhism, spiritual mentorship, meditation retreat, religious education in Tibet, ecumenical Rimé movement.

Acknowledgments

The article was prepared within the framework of the project "Written Monuments of the History and Culture of the Peoples of Russia and Inner Asia: Source Studies and Database Creation" No. 126020616774-8.

For citation

Dorzhieva D. L. Mipham Rinpoche's path: Early years and his development as a Buddhist scholar. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2026; 3: 49–55 (In Russ.).

The article was submitted 03.08.2026; approved after reviewing 17.08.2026; accepted for publication 22.09.2026.